

ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КУЗНЕЦКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья II. Старообрядцы

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено отсутствием специальных исследований, посвящённых культурологическому анализу состояния поликонфессиональной среды, включавшей институты всех мировых религий, присутствовавших на территории Кузнецкого края в пореформенный период, важный для понимания истоков трансформации духовной сферы, которая произошла на этапе строительства индустриальной базы в Кузбассе.

Рассмотрены причины возникновения старообрядчества и каналы его проникновения на территорию Кузнецкого края. Выделены особенности политики государства в отношении представителей старообрядчества, отличавшейся декларативной веротерпимостью, носившей характер «скрытого отрицания» иноверцев. Проведена систематизация согласий по их принадлежности к основным течениям старообрядчества: поповцам и беспоповцам. В общих чертах определена география их расселения на территории Кузнецкого и Мариинского округов. Указаны обрядовые особенности и специфика

воззрений представителей старообрядческих течений, согласий и толков. Рассмотрена активная политика правительства по вовлечению старообрядцев в единоверческую церковь, показано её особенное положение, как промежуточного звена между официальным православием и старообрядчеством. Выделены экономические причины перехода некоторых сельских жителей из православного прихода в единоверческий, а также намеренного искажения священниками численности старообрядцев, проживавших на территории прихода.

Ключевые слова: Кузнецкий край, Мариинский округ, Кузнецкий округ, поликонфессиональная среда, старообрядчество, поповцы, беспоповцы, единоверцы.

POLYCONFESSIONAL ENVIRONMENT OF KUZNETSK REGION DURING THE POST-REFORM PERIOD Article II. Old Believers

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Sr. Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused by lack of the special researches devoted to the culturological analysis of a condition of the polyconfessional environment including institutes of all world religions which were present at the territory of Kuznetsk region during the post-reform period, important for understanding the sources of transformation of the spiritual sphere which happened at the following stage of industrial base constructions in Kuzbass.

Origins of Old Belief and channels of its access to the territory of Kuznetsk region are considered. Features of the state policy for the representatives of Old Belief differ in the declarative toleration which had character of “the hidden denial” of gentiles are outlined. Systematization of agreement on their belonging to main currents of Old Belief is carried out: to Old Believers and Bespopovets. The geography of their resettlement in the territory of Kuznetsk and Mariinsky districts is determined in general. Ceremonial features and specifics of views of representatives of Old Belief currents, agreement and rumors are specified. The active policy of the government on involvement of Old Believers in common church is considered, its special provision as intermediate link between the official Orthodoxy and Old Belief is shown. The economic reasons of transition of some villagers from the Orthodox parish in common church, and also a deliberate distortion of a number of the Old Believers priests living in the territory of a parish are allocated.

Keywords: Kuznetsk region, Mariinsky district, Kuznetsk district, polyconfessional environment, Old Belief, Old Believers, Bespopovets, brothers in faith.

Мариинский и Кузнецкий округа Кузнецкого края традиционно оставались территориями миграции с Урала и европейской части страны отдельных групп старообрядцев, испытывавших различного рода притеснения со стороны представителей власти, искавших уединения в глухих уголках Южной Сибири, избегавших контактов с государством, ассоциируемым с Антихристом. Еще в 1832 году была отменена смертная казнь за хулу на Бога. В отношениях с инославными местной администрации было рекомендовано избегать насилия, но воздействовать путём просвещения и доказательства их неправомерности. Уездной полиции

вменялась обязанность пристального контроля данной категории населения, в том числе вести метрические книги.

Раскол верующих в Русской православной церкви на ревнителей старой веры и сторонников новых обрядов наступил ещё в ходе государственно-церковной реформы, проведённой в 1650-е годы, именуемой по имени её исполнителя – патриарха Никона. Реформа была инициирована молодым царём Алексеем Михайловичем при поддержке сторонников – членов кружка «древлего благочестия» в лице архимандрита Ф. Ртищева, протопопов: С. Вонифатьева (ду-

ховника молодого царя), И. Неронова, А. Петрова (протопоп Аввакум) и других приближённых из числа иерархов. В атмосфере эсхатологических ожиданий, охвативших народы всей Европы, и с приближением 1666 года – даты наступления предполагаемых апокалиптических событий, предусматривалось привести русскую богослужебную практику, отличавшуюся своей неупорядоченностью и множеством толкований, в соответствие, как казалось, с канонически более выверенной греческой практикой. Предполагалось проповедями приучать «погрязший в греховности народ» к основам христианской морали, обеспечить неизменность веры, а с исправлением обрядов, следуя мессиианской идее (Москва – Третий Рим), сблизить православие с остальным христианским миром.

Однако поспешные методы ее проведения, и, следовательно, многочисленные просчеты, в обществе, имевшем высокий уровень пассионарного напряжения, привели, как заметил русский историк С. А. Зеньковский, к подлинному внутреннему разрыву в самой церкви, значительно обеднившему «русское православие, в котором были виноваты не одна, а обе стороны: и упорные, и отказавшиеся видеть последствия своей настойчивости насадители нового обряда, и слишком ретивые, и, к сожалению, часто тоже очень упрямые, односторонние защитники старого» [5, с. 54].

В повседневной жизни старообрядцев безосновательно именовали раскольниками и сектантами, тем самым незаслуженно возлагая на них одностороннюю ответственность за события XVII века. «Церковный раскол, – по мнению патриарха Кирилла, – нанёс жесточайший удар по национальному самосознанию. Ломка традиционных церковно-бытовых устоев и духовно-нравственных ценностей разделила некогда единый народ не только в церковном отношении, но и в социальном. Народному телу, которое тогда вполне совпадало с телом церковным, была нанесена рана, губительные последствия которой живут в столетиях. Разделение российского общества, вызванное церковным расколом, стало предвестием дальнейших разломов, приведших к революционной катастрофе» [3].

Представители старообрядчества считали себя последователями русского традиционного народного православия, для которого, по их мнению, характерны, в первую очередь, выборное

начало и местное самоуправление, истинность (неизменность) и благочестивость (отделение Церкви от государства) [9, с. 14].

В соответствии с законами 1864 и 1874 годов старообрядцам декларативно гарантировались гражданские и религиозные права. Им, отличавшимся среди других групп населения трудолюбием, бережливостью и зажиточностью дворов [10, с. 503], снимались некоторые ограничения в экономической сфере. Послабление имело, в первую очередь, политическую подоплёку. Правительство стремилось избежать социальных катаклизмов на религиозной почве, а наличие руководства старообрядцев (Белокрыницкое согласие) за границей – в Австрии, потенциально создавало почву для нежелательных манипуляций извне многочисленной группой верующих.

Во второй половине XIX века старообрядцы рассматривались государством уже как православные, заражённые ересью, которые якобы «лишь по невежеству своему откололись от православия», и поэтому нуждаются в опеке со стороны министерства внутренних дел, Обер-прокурора Синода и местных губернаторов, имевших, в свою очередь, указание препятствовать «распространению раскола» и повышать в рядах его приверженцев удельный вес законопослушного населения.

В качестве ограничительных использовались следующие меры: запреты на открытие новых молитвенных домов, жесткая регламентация в функционировании действующих и закрытие незаконно появившихся молелен (с заведением уголовного дела с конфискацией церковной утвари и книг); тюремное заключение или ссылка в отдалённые места старообрядческих наставников («лжепопов»); юридическое непризнание «сводных» (невенчанных в официальной церкви) браков между православными и старообрядцами; без участия приходского священника обряды крещения и погребения оказывались вне закона, и, как следствие, возникала проблема наследования. В сложившихся условиях люди были вынуждены тайно проводить обряды, а наставники – вести скрытный, «катакомбный» образ жизни.

В пореформенный период границы между согласиями и толками отличались подвижностью, поэтому выяснить точное количество их членов не представляется возможным. Погрешность в официальной статистике была велика потому, что обязанности по учету были возложены на

органы местной полиции, которые стремились снизить цифры, показывая тем самым успехи борьбы с инакомыслием. Свою лепту вносили и некоторые приходские священники, получавшие от уклоняющихся от причастия и исповеди старообрядцев мзду в обмен на запись в исповедальных росписях. Немало было тайных верующих, формально заявлявших о симпатиях официальной церкви, числившихся православными. Но помня евангельскую притчу о Христе, простившем тройное отречение Петра ради его раскаяния, при первой же возможности они возвращались в свои «раскольничьи заблуждения» [7, с. 49–50].

Некоторых старообрядцев, проживавших в глухих местах, сложно было вообще обнаружить. Эта часть населения являлась наиболее мобильной. Нередко консистория получала из других губерний сообщения о выехавших в Томскую епархию группах тайных староверов с намерением на новом месте легализоваться, но в действительности их следы терялись [1, с. 11].

При широкой географии расселения, на территории округов были известны несколько очагов компактного проживания сторонников древле-православного исповедания, представлявших два основных течения в старообрядчестве. Первое – *поповцы*, выступавшие против существующей государственной власти, считавшие Петра I воплощением Антихриста, привлекавшие для богослужения «беглых» священников, порвавших с официальной православной церковью. Одним из их центров являлись Керженские скиты (Нижегородская губерния), поэтому часто переселенцы с тех мест употребляли самоназвание – кержаки. В XIX веке **поповцы разделились на белокрыницкое** (Белокрыницкая иерархия, внутри которой вскоре произошло разделение на согласия: окружников и противоокружников) и беглопоповское.

Второе течение представляли *беспоповцы*, признававшие необходимость церковной организации и духовенства, но считавшие, что в современных условиях нет истинной иерархии, и потому были вынуждены обходиться без священников. Обряды проводили выдвинувшиеся из их среды «дьяки» («старики»), при этом не только мужчины, но и женщины. Самый крупный российский центр беспоповщины обосновался в конце XVII века в Олонецкой губернии, поэтому возникшее там учение получило название «поморского». Утверждалось, что Антихрист уже воца-

рился на земле, истребил все церковные таинства, включая священство и брак. Из поморцев выделились филипповское, федосеевское и спасовское согласия, солидарно и крайне решительно отказывавшиеся молиться за царя, отрицавшие церковь и власти, но имевшие между собой разногласия по другим обрядам, в частности, о признании или непризнании брака. Именно их сторонники, чтобы не подчиняться власти Антихриста, в XVIII веке **чаще других прибегали к самосожжениям** [11, с. 32–33].

Промежуточное положение между поповцами и беспоповцами занимали старики (табл. 1).

У томской администрации не было чёткого понимания разницы между согласиями и толками, поэтому, к примеру, мариинские власти ошибочно к ним относили сектантов – молокан и суботников. При отсутствии чётких критериев их идентификации официальная статистика за 1869 и 1882 годы отразила рост количества данной части верующих: в Мариинске и его округе – с 1024 до 1998 человек, а в Кузнецком округе – снижение с 402 до 294, очевидно, за счёт перехода в единоверие.

Таблица 1

Старообрядческие согласия на территории Кузбасса (вторая половина XIX века)

Поповцы	Согласия			
	Белокрыницкое (австрийцы)	Окружники		
		Противоокружники		
	Беглопоповцы			
	Часовенные			
	Старики			
	Беспоповцы	Поморцы	Новопоморцы (законобращные)	
			Старопоморцы	Даниловцы (полубрачные)
		Федосеевцы (безбрачники)		
		Филипповцы		Странники (безденежники)
Спасовцы		Нетовцы	Глухие нетовцы	
			Поющие нетовцы	
	Рябиновцы			
		Восточники		

Лишь позже, по итогам Всероссийской переписи населения 1897 года, были получены уточнённые сведения, выявленные историками пока по 40 приходам, о местах проживания и приблизительной общей численности (не менее 7885 чел.) членов всех согласий. Среди них подавляющее большинство (64,25 %) были отмечены как стариковцы, 5,94 % – австрийцы-окружники, 1,75 % – нетовцы, 2,35 % – рябиновцы, 5,97 % – странники, 16,31 – новопоморцы, 3,44 % – даниловцы [6, с. 178–179].

В южных волостях Томского округа поморцы обосновались в с. Паче, в деревнях и заимках по реке Яя. Проживая рядом со старообрядцами, некоторые крестьяне переходили в согласия, «заражаясь обрядовым благочестием». Религиозной ассимиляции способствовали смешанные браки, повседневный пример успешного хозяйствования и трезвого образа жизни, напористость и убедительность суждений ревнителей древнего православия.

В кабинетах губернской администрации бытовало понятие «раскольничьей полосы» – расположенной в западной части Кузнецкого округа, сети населённых пунктов Тарминской (д. Кокуйская и др.) и Косминской волостей с её продолжением в пределах Верх-Чумышской волости Барнаульского округа. Имелись сведения о высокой концентрации членов согласия стариковцев среди жителей Караканского прихода (д. Сидорёнково, Уроп, Челухоевский стан и др.).

В Мариинском округе большая группа старообрядцев проживала в бассейне р. Тяжин в селениях Баимской и Дмитриевской волостей. «Раскольничьими» считались деревни Рубина, Тамбарская, Прокопьева Заимка. Так, в деревне Благовещенской, состоявшей из переселенцев Оренбургской губернии, в 1870 году большинство крестьян придерживались часовенного согласия. Другие являлись захаровцами (толк рябиновского согласия, названный по имени своего наставника Захара), которые «для богослужения собираются в частных домах, при этом пения не допускают, а только чинно сидят и благоговейно слушают чтение старопечатных книг. Иконы чтут. Но исключительно древние и поклоняются только таким осмиконечным крестам, которые сделаны из рябинового дерева без изображения Распятого <...> Браки благословляют родители <...> Младенцев крестят старики и старухи. Взрослый,

приходящий в секту, может совершить переkreщивание сам над собою» [1, с. 20].

В 1861 году по поручению генерал-губернатора Западной Сибири сбором сведений о томских старообрядцах занимался чиновник особых поручений при томском губернаторе Квятковский. От жителей деревень Большой и Малый Антибес, Приметкиной Заимки и Рубиной ему удалось узнать о наличии большого скита за р. Тяжин в Мариинской тайге.

Очевидцы делились воспоминаниями о «трёх седеньких старичках, почти непрерывно занятых чтением вслух или про себя каких-то больших книг», о расположении скитских построек, которые «раскинуты так, что одна келья отстоит от другой на 100 и даже на 200 сажен. Низкая келья, фасадом всегда почти обращенная к озеру или болоту, заваливаются ещё колодником или хворостом и потому издали незаметны. Тропинки между отдельными избами закидываются сучьями, а в некоторых случаях между кельями в летнее время нельзя пройти вовсе и их обитатели сообщаются между собою при посредстве лодок, укрываемых тщательно в болотных камышах» [1, с. 82–83].

Народная молва передавала, что летом 1860 года в скит через деревню Суслову проехало до 150 «раскольников» из Казанской губернии. На лесных полянах отшельники заводили пашни, огороды, многие в страдную пору работали в обширном хозяйстве крестьян Богдановых. В Мариинск иногда приезжал их агент – мещанин Алексей Парфёнов, вербовавший новых насельников. Современные историки связывают появление мариинских скитов с миграцией в середине 1830-х годов на территорию Томской губернии представителей наиболее радикального старообрядческого согласия странников-безденежников (в народе называемых бегунами, скрытниками), не допускавших использование оскверняющих денег, также исповедовавших неповиновение императору, светским и церковным властям [4].

Верующие тщательно скрывали местоположение скитов, а о существовании некоторых вообще ничего не было известно. Так, в 1868 году староста с. Итатского случайно в малодоступной местности за Прокопьевской заимкой обнаружил скит «страннического» учителя Илариона, около которого три года назад поселился крестьянин Боготольской волости д. Ново-Подзорной Игнатий Жиряков с женой Евдокией, дочерью Ага-

фьей (во втором крещении назвали Александрой) и матерью Зиновьей (ныне – Агафьей). В этом и в других случаях, когда земскую полицию ставили в известность о подобных открытиях, тайные поселения уничтожались, а отшельники подвергались аресту с последующим водворением на прежнее место жительства.

В пореформенный период светские власти и Синод активизировали политику вовлечения старообрядцев в единоверческую церковь. В европейской части страны этот своеобразный социальный проект, появившийся в конце XVIII века как инициатива «снизу», законодательно был утверждён императором Павлом I и Митрополитом Московском Платоном. В Томской губернии он был запущен в 1830-е годы и предполагал интеграцию «заблуждающихся» в официальное православие путём «увещаний и убеждений», но в действительности осуществлялось насильственное «вразумление». Угрозами и различного рода ограничениями власти заставляли ревнителей древлеправославия записываться в единоверческую общину.

Согласно официальной статистике, в Кузнецком округе уже в 1869 году проживало 1158 единоверцев, в Мариинском в 1882 году их было 75. Недалеко от Кузнецка в с. Междугорном 15 июня 1866 года была заложена и только в 1879 году полностью отстроена единоверческая церковь с приходом, включившем 24 (!) селения Томского и Суенгинского единоверческих проходов: сс. Борисова, Кропивникова, Банновского, Урско-Бедаревского и дер. Салтымаковой, Лочиновой, Арсеновой, Ключевой, Чумашкиной, Поперешной, Междугорной, Трифионовой, Бердюгиной, Фомихиной, Тородановой, Макешновой, Коневой, Интереспской, Пинигиной, Берёзового Яра и инородцев Инских Вершин, деревень Вагановской, Журавлёвой и Горскиной [6, с. 178–179].

Особенность единоверия обуславливалась его промежуточным положением. С одной стороны, оно было зависимо от Синода, подчиня-

лось архиереям официальной церкви, которые по-прежнему видели в новоявленных прихожанах еретиков, людей невежественных, имитирующих отказ от канонов своих согласий. При таком отношении к себе старообрядцы могли решать некоторые животрепещущие проблемы, как, например, открывать в качестве единоверческих ранее «запечатанные» часовни, регистрировать браки, надеяться на смягчение внешнего контроля, реабилитации за «религиозные преступления» и др. [8, с. 87]. С другой – все церковные службы, уставы и обычаи было разрешено совершать по старым, дониконовским книгам.

Некоторые сельчане добровольно приписывались к единоверческому приходу для того, чтобы не нести расходы на содержание местных православных церквей и причтов. Большие расстояния между селениями и единоверческим храмом делали невозможным общение большинства прихожан со священнослужителями, и крестьяне использовали эту ситуацию для уклонения от выплаты руги. Клир испытывал большую нужду в материальном обеспечении, которого было недостаточно, чтобы по долгу исполнения пастьерских обязанностей дополнительно нести значительные затраты – хотя бы один раз в год объезжать все деревни прихода¹. Поэтому с целью пополнения церковной казны практиковались выезды на службы преимущественно в Мунгатскую, Тарминскую, Бачатскую и другие близлежащие густонаселенные волости [2].

Двойственный статус единоверцев, конечно, постепенно разрушал духовное единение со стойкими старообрядцами, но и не позволял считать их никонианами. Тем не менее использование в пореформенный период этой более мягкой формы разрушения древлеправославного мировосприятия не приносило желаемых результатов, не способствовало радикальной переориентации религиозного сознания старообрядцев и православных, насильно или по экономическим соображениям оказавшихся в рядах единоверцев.

Литература

1. Беликов Д. Н. Томский раскол. – Томск: Типография П. И. Макушина, 1901. – 247 с.
2. К вопросу о состоянии единоверия в Сибири // Томские епархиальные ведомости. – 1884. – № 8. – С. 9–11.

¹ Протяжённость всего маршрута могла составлять не одну сотню вёрст.

3. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, по вопросам взаимоотношений с Русской Зарубежной Церковью и старообрядчеством на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2004 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/11307.htm> (дата обращения: 06.12.2016).
4. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI века). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – 412 с.
5. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. – М.: Ин-т ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. – 688 с.
6. Иванов К. Ю. К вопросу о согласиях и толках старообрядцев на территории Кузбасса (вторая половина XIX – начало XX века) // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – Вып. 5. – С. 167–179.
7. Иванов К. Ю. Проблемы учета старообрядцев на территории Кузбасса // Сб. науч. раб. Корпорации мыслящих людей (КМЛ). – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1997. – Вып. 1. – С. 48–54.
8. Ильин В. Н. Единоверие в XIX веке на территории Томской губернии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2012. – № 4–2 (76). – С. 85–91.
9. Ильин В. Н. Политика государственной власти и официальной церкви в отношении старообрядцев на территории Томской губернии в 1832–1905 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2007. – 26 с.
10. Костров Н. А. О расколе в Томской губернии // Томские епархиальные ведомости. – 1883. – № 17. – С. 497–503.
11. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

References

1. Belikov D.N. *Tomskiy raskol [Tomsk split]*. Tomsk, Tipografiya P.I. Makushina Publ., 1901. 247 p. (In Russ.).
2. K voprosu o sostoyanii edinoveriya v Sibiri [To the Question of a state an edinoveriya in Siberia]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1884, no. 8, pp. 9-11. (In Russ.).
3. *Doklad mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla, predsedatelya Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata, po voprosam vzaimootnosheniy s Russkoy Zarubezhnoy Tserkov'yu i staroobryadchestvom na Arkhiereyskom Sobore Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 2004 goda [The report of the Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad Kirill, Chairman of the Moscow Patriarchate Department for External Church Relations, on relations with the Russian Foreign Church and Old Belief on the Hierarchal Cathedral of Russian Orthodox Church of 2004]*. (In Russ.). Available: <http://www.pravoslavie.ru/news/11307.htm> (accessed 06.12.2016).
4. Dutchak E.E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taehnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka) [From Babylon in Belovode: adaptation opportunities of taiga communities of conservatives - wanderers (the second half of XIX – the beginning of the 21st century)]*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 2007. 412 p.
5. Zenkovskiy S.A. *Russkoe staroobryadchestvo: v 2 tomakh [Russian Old Belief. In two volumes]*. Comp. G.M. Prokhorov, General edition of V.V. Nekhotin. Moscow, Institut DI-DIK, Kvadriga Publ., 2009. 688 p. (In Russ.).
6. Ivanov K.Yu. K voprosu o soglasiyakh i tolках staroobryadtsev na territorii Kuzbassa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [To a question about the soglasiyakh and rumors of Old Believers in the territory of Kuzbass (the second half of XIX – the beginning of the 20th century)]. *Kuznetskaya starina [Kuznetsk antiquity]*. Novokuznetsk, Izdatel'stvo "Kuznetskaya krepost'" Publ., 2003, iss. 5, pp. 167-179. (In Russ.).
7. Ivanov K.Yu. Problemy ucheta staroobryadtsev na territorii Kuzbassa [Problems of the accounting of Old Believers in the territory of Kuzbass]. *Sbornik nauchnykh rabot Korporatsii myslyashchikh lyudey (KML) [Collection of scientific works of the corporation of thinking people (KML)]*. Kemerovo, Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, 1997, iss. 1, pp. 48-54. (In Russ.).
8. Ilyin V.N. Edinoverie v XIX veke na territorii Tomskoy gubernii [Edinoveriye in the 19th century in the territory of the Tomsk province]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Altai State University]*, 2012, no. 4-2 (76), pp. 85-91. (In Russ.).
9. Ilyin V.N. *Politika gosudarstvennoy vlasti i ofitsial'noy tserkvi v otnoshenii staroobryadtsev na territorii Tomskoy gubernii v 1832-1905 gg. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Policy of the government and official church for Old Believers in the territory of the Tomsk province in 1832-1905. Autor's abstract of Dr. his. sci. diss.]*. Barnaul, 2007. 26 p. (In Russ.).
10. Kostrov N.A. O raskole v Tomskoy gubernii [About split in the Tomsk province]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti [Tomsk Diocesan Gazette]*, 1883, no. 17, pp. 497-503. (In Russ.).
11. Lipinskaya V.A. *Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae XVIII – nachalo XX veka [Old residents and immigrants. Russians in Altai XVIII – the beginning of the 20th century]*. Moscow, Nauka Publ., 1996. 269 p. (In Russ.).